

Светлана Викторовна Лопаткина

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Институт филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики, Абакан, Россия
e-mail: lopatkina2878@mail.ru

Семантико-структурно-функциональный анализ языка вражды в современных массмедиа

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ функционирования «языка вражды» в российских средствах массовой информации с учетом лингвистических и экстралингвистических особенностей. Описаны критерии анализа «языка вражды» в журналистских материалах. Проведен семантико-структурно-функциональный анализ «языка вражды» в публикациях, посвященных событиям на Хованском кладбище в Москве в апреле 2016 г.

Ключевые слова: язык вражды, комплексный анализ, лингвистические и экстралингвистические особенности, этническая информация, межэтнические отношения.

Svetlana V. Lopatkina

Katanov Khakas State University, Institute of Philology and Intercultural Communication, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Stylistics and Journalism, Abakan, Russia
e-mail: lopatkina2878@mail.ru

The Semantic-Structural-Functional Analysis of the 'Hate Speech' in Modern Mass Media

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the functioning of the 'hate speech' in the Russian mass media, taking into account linguistic and extralinguistic features describes the criteria for analysing the 'hate speech' in journalistic materials. The semantic-structural-functional analysis of the 'hate speech' in the publications dedicated to the events at Khovanskoye Cemetery in Moscow in April 2016 is conducted.

Keywords: 'hate speech', comprehensive analysis, linguistic and extralinguistic features, ethnic information, interethnic relationship.

Введение (Introduction)

В современном многонациональном обществе журналист, работающий в условиях поликультурной среды, должен обладать специальными знаниями, умениями и навыками конструктивного и толерантного общения с представителями разных этносов и религий.

Актуальность исследования заключается в том, что грамотное — с точки зрения языка и журналистской этики — освещение вопросов межнациональных и межрелигиозных отношений является органической составляющей профессиональной культуры будущих журналистов. Любой текст, в том числе и публицистический, представляет собой систему, так как языковые единицы связаны с его смысловой структурой. Глубинному восприятию журналистского текста, на наш взгляд, способствует лингвистический анализ, который позволяет раскрыть значения элементов различных уровней языка, способствует пониманию идейно-тематического содержания текста.

Методы (Methods)

Исследование стимулировано лингводидактическим контекстом. Дисциплина «СМИ (средства массовой информации) и межнациональные отношения» в рамках федерального компонента ФГОС 3+ предусматривает не только изучение специальных понятий и терминологии из области этнологии и этножурналистики, истории взаимоотношений наций и народов в России и Республике Хакасия, российского и международного опыта в решении и предотвращении межэтнических конфликтов, но и комплексный анализ журналистских материалов, содержащих этническую информацию. Так, по мнению О. Б. Шерговой, одной из главных целей медиаобразования является «формирование навыка критического восприятия средств массовой информации» [1, с. 168].

В структуре дисциплины «СМИ и межнациональные отношения» выделяется такая важная тема, как «Язык вражды в российских СМИ», ознакомление с которой происходит на лекционных занятиях, где сначала рассма-

тривается дефиниция понятия «язык вражды» в аспекте межэтнического конфликта.

Следующим шагом в изучении темы «Язык вражды» является правильное преподнесение заданий с постепенным их усложнением, что позволяет сформировать умения и навыки работы с журналистским материалом. Так, на практическом занятии увеличивается доля самостоятельной работы студентов, которые сначала отвечают на вопросы, обосновывают свои ответы, уточняют основные понятия (например, *этническая информация в СМИ, этническое пространство, этнические идеологемы, этнические стереотипы и образы в журналистике* и др.), а затем проводят анализ журналистских материалов по заранее изученным и систематизированным критериям.

Комплексный анализ текстов массовой коммуникации предполагает учет как лингвистических, так и экстралингвистических особенностей (идея, тема, заголовочный комплекс, фактологическая информация и др.). Такой подход, на наш взгляд, способствует объективной интерпретации медиатекста в целом или отдельных его частей.

Литературный обзор (Literature Review)

В научной литературе представлены различные точки зрения исследователей на определение понятия «язык вражды» (А. М. Верховский, И. М. Дзялошинский, А. В. Дубровский, А. В. Евстафьева, Г. В. Кожевникова, Е. И. Коряковцева, Н. Е. Петрова, Э. Д. Понарин, Ю. В. Щербинина и др.).

Многообразие взглядов на сущность языка вражды («языковая агрессия», «речевой (языковой) конфликт», «речевое насилие», «язык ненависти» и др.) свидетельствует «о нестабильности объема данного понятия и недостаточной разработанности для его использования» [2, с. 134].

Вслед за Е. И. Коряковцевой под языком вражды понимаем «агрессивный тип речевого поведения, характеризующийся двойной интенцией: а) выражением негативного отношения к кому-либо или чему-либо; б) ориентацией на антидиалог, т. е. на субъектно-объективный, некооперативный тип общения с адресатом» [3, с. 86].

Анализ языка вражды (способов и приемов воспроизводства) в средствах массовой информации требует комплексного подхода с учетом семантики, стилистики, прагматики и других факторов, которые определяют специфику рассматриваемого понятия (например, намеренное или ненамеренное создание негативного высказывания, искажение информации, использование оценочных словоформ и др.). Изучение работ по отечественной лингвистике и журналистике позволяет выявить многообразие критериев, подходов к рассмотрению журналистского материала с этнической информацией [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10 и др.].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Представим список критериев для комплексного анализа журналистского материала, который может быть дополнен и детализирован:

1. Формальные характеристики СМИ (качественное/массовое издание, расположение материала, рубрика, автор публикации и др.).

2. Тема (например, иммиграция, преступность, дискриминация, культурное событие и т. д.) и жанр материала (информационное сообщение, аналитическая статья и т. д.).

3. Объект «языка вражды»: цыгане, таджики, чеченцы, мусульмане, мигранты и др.

4. Форма подачи материала: факты из жизни представителей разных этносов или этнических групп; этнические стереотипы (положительные/отрицательные); этнические идеи или идеологемы (суждения, содержащие в себе определенный идеологический смысл); этнические мифы; этнические лексемы; рисунки, фотографии, карикатуры с этнической тематикой и др.

5. Лингвостилистический аспект: на уровне морфологии (аффиксация, аббревиация, словосложение, переход имен собственных в нарицательные и др.); на уровне лексики, например сочетание стандартных и экспрессивных словоформ (жаргонизмы, арготизмы, просторечная и обценная лексика, термины, историзмы, архаизмы, неологизмы, лексика с пренебрежительной, неодобрительной, бранной, грубой и другой оценкой, окказионализмы, эпитеты, метафоры, гиперболы и др.); на уровне синтаксиса (прямая речь, цитирование, вводные слова и конструкции, уточняющие члены предложения, эллипсис, парцелляция, инверсия и др.).

6. Виды языка вражды (по классификации А. М. Верховского): жесткий, средний, мягкий (классификация представлена в [11]).

7. Функции: информационная, экспрессивная, манипулятивная, аргументирующая, эвфемистическая, функция создания имиджа, дискриминации, характерологическая, функция иронии и др.

Приведем образец комплексного рассмотрения «языка вражды» в интернет-публикациях российских СМИ на примере событий, произошедших на Хованском кладбище в Москве в апреле 2016 г.

В электронном периодическом издании «Новая газета» в выпуске № 51 от 16 мая 2016 г. в рубрике «Общество» опубликована информационно-аналитическая статья под названием «Что здесь произошло? — Это война» (<https://web.archive.org/web/20160517090959/http://www.novayagazeta.ru/society/73085.html>). Тема материала — преступность.

В указанном материале вопросы, содержащиеся в заголовке, несут сильный прагматический заряд, акцентируя внимание на главном и заранее формируя у читателей определенные установки для последующего восприятия текста, а лексема *война*, имеющая специальную помету в толковом словаре — «разговорное», приобретает негативную экспрессию в контексте.

Контент-анализ позволяет выделить в публикации этнические маркеры, в частности в тексте используются этнонимы (*россияне, чеченцы, ингуши, таджики*), которые и являются признаком этнической информации, а национально-административные регионы и страны (Кавказ, Таджикистан, город Рагон, район Обигарм) ассоциируются у большинства читателей с определенными этносами.

В анализируемом материале представлены этнические идеи или идеологемы: *...смуглые парни-россияне, уроженцы Северного Кавказа* (здесь и далее выделено

нами. — С. Л.), *собрались у главного входа на Хованское кладбище около полудня... избивая не успевших спрятаться таких же смуглых, но не россиян, а мигрантов из Средней Азии.*

Данная иллюстрация наглядно демонстрирует выделение двух сторон конфликта, где одни (уроженцы Северного Кавказа) — плохие, а другие (мигранты из Средней Азии) — хорошие. Отмеченное разделение сторон подчеркивается различными лексемами на протяжении всего текста:

Лейтенант ППС рассказал мне:

*— Мы были на патрулировании, когда получили приказ выдвигаться к Хованскому кладбищу. Подъехали около половины первого, а оттуда выбегает толпа человек тридцать... **То ли чеченцы, то ли ингуши**, я паспортов у них не спрашивал... За ними — человек сто, **среднеазиаты**. ...**Все бандиты с Кавказа, то ли чеченцы, то ли ингуши**. Здесь подобное обобщение создает негативный образ всех наций, проживающих на Кавказе, авторы не различают разные народы, формируя в сознании читателей стереотипное мышление. Граждан Таджикистана журналисты именуют: *рабочие-таджики, рабочие-мигранты*, а «кавказцев» — *бандитами, спортсменами* и др.: ...*В разборке участвовали около 200 таджиков и больше 100 бандитов. Бандиты кавказской внешности, с бородой и были вооружены пистолетами.* <...> *Ребята из Таджикистана позвонили и сказали, что спортсмены пришли и просят «налог» от работников.* <...>*

*Во всех местах, где работают мигранты, по их словам, существуют и **местные бандиты**, которые их крышуют...*

В толковом словаре русского языка лексема *бандит* трактуется следующим образом: *Бандит*, -а, м. член банды, вооруженный грабитель [12]. Словоформа *крышевать*, -шуй, -шуйшь; *нсв.* кого жарг. — обеспечивать защиту, покровительствовать как крыша [12]. В рассматриваемой публикации маркированные этнические лексемы (разговорно-оценочное слово *бандит* и жаргонизм *крышуют*) создают не только отрицательный образ «кавказцев», но и подчеркивают этнический характер названных группировок, а негативная коннотация слов создает отрицательную оценку.

В следующей иллюстрации отмечены лексемы, называющие народности: *Среди задержанных оказались не только **среднеазиаты с кавказцами**, но и **славяне спортивно-го телосложения**. ...После нападения **кавказцев** лидеры работавших на кладбище **среднеазиатов** обратились за помощью...*

Выделенные в примере словоформы наглядно демонстрируют существующие в языковой картине мира определенной части общества стереотипы восприятия указанной народности. Исследователь М. А. Магомедова пишет: «...Журналисты фиксируют как опасную тенденцию рост «информации откровенно антикавказского толка» в ряду российских сайтов, когда «любой конфликт — криминальный или бытовой — в котором участвуют представители кавказских республик, немедленно выводится на видное место» [13, с. 345].

В статье, помимо информационной, оценочной и манипулятивной (внушение и убеждение) функций, реализуется

функция иронии, которая представлена в следующем сочетании слов: *смуглые парни-россияне, уроженцы Северного Кавказа.*

В публикации приводится точка зрения Каримджона Ерова — президента некоммерческого партнерства «Этнические таджики за миграционную ответственность соотечественников», которая является выводом в аргументативной схеме для акцентирования «хороших» и «плохих»:

*...**Бандиты** ездили по кладбищу на скутерах и изучали территорию. <...> Всего на Хованском кладбище работали около 300 **таджиков**. <...> До того как пришли **бандиты, рабочие-таджики**, по их словам, платили администрации кладбища 500 рублей за три дня с человека и оставляли себе все деньги от клиентов. <...> **Рабочие-мигранты** на этом и зарабатывали. <...>*

*Во всех местах, где работают мигранты, по их словам, существуют и **местные бандиты**, которые их крышуют...*

Сила экспрессивности единиц языка вражды определяется выбором лексем с отрицательной коннотацией (*бандиты, крышуют*) и самим объектом языка вражды (*мигранты, таджики*).

Психологическое воздействие статьи усиливается за счет использования ряда фотографий, на которых запечатлены вход на Хованское кладбище, полиция, люди с «неевропейской» внешностью — мигранты. Следует отметить, что подписи к фотографиям были взяты из текста самой публикации.

Приведенные примеры позволяют утверждать, что в материале, во-первых, используется «мягкий язык вражды»: создается негативный образ этнической группы, которая представлена в уничижительном, криминальном контексте; во-вторых, у читателей формируется отрицательное отношение к лицам иной этнической принадлежности.

В рубрике «Происшествия» за 15 мая 2016 г. в газете «Московский комсомолец» представлена большая по объему информационно-аналитическая статья под названием «Всё о кладбищенской бойне: чеченский след, загадочный директор, цена зачистки» (<https://www.mk.ru/incident/2016/05/15/vse-o-kladbishhenskoy-boyne-chechenskiy-sled-zagadochnyy-direktor-cena-zachistki.html>). Корреспонденты «Московского комсомольца» провели собственное расследование, включив в материал свидетельства очевидцев, мнения экспертов и анализ различных документов по рассматриваемому делу.

Статья включает несколько разделов, которые логично объясняют весь ход событий: *«Хованщину» трясло с января. Рабочие ухмылялись: «Мы сами себе начальники»; Тот, кто звонил на «102»: «Я им говорил — приезжайте, тут случится что-то страшное. Не послушались»; «Цена вопроса»; Свидетели бойни: «В храме шла служба, а вокруг — стрельба. Мы взмолились и — выжили»; Задержанных 90, арестуют троих, уволили одного: «Директор кладбища поздоровался с таджиком, его и выгнали»; Отложенный погром: «Чеченцев использовали как чистильщиков»; Кто погиб на кладбище: рассказ родственника.*

В материале представлено восемь фотографий с места события и участников дела, схема Хованского кладбища,

видео по теме «Охранники Хованского кладбища рассказали о начале побоища», которое сопровождается словами корреспондентов: *Охранники Хованского кладбища рассказали о том, как начиналось побоище в субботу 14 мая между этническими группировками, в котором погибло три человека и более двух десятков пострадали.*

Заголовок анализируемой статьи привлекает внимание с первых слов. Лексема *бойня* в прямом значении определяется как *скотобойня*, а в переносном значении — «массовое убийство людей, резня, неравный кровопролитный бой, побоище», например «кровавая бойня» [12]. Употребление такой эмоционально-экспрессивной словоформы в заголовке заранее формирует у читателя мнение о чём-то жестоким и грубом, а в сочетании *кладбищенской бойни* создает негативный образ происходящего. В заголовок включен этноним *чеченский*, который в словосочетании *чеченский след* и в контексте всего названия определяет виновников инцидента («средний язык вражды»).

Отрицательная коннотация, которую усиливает гипербола (выделено шрифтом), лексические повторы (*невиданное*) и однородные члены предложения (подчеркнуто), прослеживаются и в первых строках статьи:

В субботу днем на юго-западе Москвы, на Хованском кладбище произошло невиданное доселе побоище между приезжими из Таджикистана и Чечни. Невиданное и по своим масштабам (3 человека убиты, 26 ранены), и по размаху (пострадали даже случайные люди), и по географии.

В материале приводится точка зрения Антона Авдеева, председателя столичного Профсоюза работников ритуальных услуг: *«Даже в самый разгар 90-х годов бандиты никогда не устраивали разборки на кладбищах из уважения к покойным, — говорит Авдеев, — правда, так вели себя те, кто родом из России. Участники сегодняшней разборки — это приезжие, гастарбайтеры. Люди совсем иной культуры, которым наши традиции далеки...»* Данная иллюстрация наглядно демонстрирует разделение группы людей на «мы» и «они», где о «них» говорится только в негативном аспекте. В связи с этим подчеркнем, что употребление лексемы *гастарбайтер* в рассматриваемой публикации выполняет функцию иронии, а применительно к людям носит оскорбительный характер. Ср. в следующем примере: *Юнусов, Махмудов, Хушаков, Холиков, Лайков... От этих фамилий в ГБУ «Ритуал» шарахаются как черт от ладана. <...> ...Как только случилась трагедия, гастарбайтеров (выделено нами. — С. Л.) отлучили от погоста.* Обратим внимание на устойчивое сочетание *шарахаются как черт от ладана*, которое также несет в себе отрицательную коннотацию и совместно с «этническими» фамилиями передает негативную информацию о «чужих» («мягкий язык вражды»).

Подводя итог основной версии субботнего инцидента, корреспонденты газеты «Московский Комсомолец» произошедший конфликт воспринимают как межнациональный: *Устав от наглых гастарбайтеров, некто (не будем конкретизировать, хотя в данной ситуации очевидно, о ком идет речь) решил их припугнуть. <...> Поэтому-то и обратились за помощью к лихим джигитам с кавказских гор. «Чеченцев использовали как чистильщиков», — несколько раз повторяли нам вчера на кладбище.*

Сила экспрессивности в данном примере достигается использованием негативных эпитетов (*наглых, лихим*) и сравнения (*как чистильщиков*), которые реализуют характерологическую функцию и функцию дискриминации.

Проанализируем, как презентует события на Хованском кладбище еженедельная газета «Завтра». В рубрике «Слово дня» в статье под названием «Хованщина» от 16 мая 2016 г. представлены точки зрения Михаила Делягина и Сергея Михеева (https://zavtra.ru/word_of_day/hovanschina). Материал предваряет коллаж, на котором изображены тела людей с собачьими головами, а в руках — железные цепи (упряжь). Такой креализованный текст (сочетание вербальных и изобразительных средств передачи информации) держит внимание читателя от начала до конца, выполняя информационную, иллюстративную, эвфемистическую и характерологическую функции.

В самом начале статьи дается краткая характеристика используемой лексемы: *хованщина* — историческое название стрелецкого бунта 1682 г., т. е. события сегодняшнего дня перекликаются с историческими событиями.

Столкновения на московском кладбище эксперты комментируют по-разному. Михаил Делягин винит за случившееся возлагает на Министерство внутренних дел (МВД) и правоохранительные органы: *Вся эта «хованщина» наглядно свидетельствует и о профессионализме правоохранительных органов, и о степени адекватности реформы МВД.* Очевидно, что морфема *-щин* добавляет пренебрежительной экспрессии.

В следующем примере эксперт утверждает, что причиной конфликта является бандитизм на национальной почве (выделено шрифтом): *По сути, не только Москва, но и вся Россия остались абсолютно незащищенными перед лицом бандитизма. ...Когда мы видим, что... группировки способны выставить бандформирования числом в несколько сотен человек. <...> Я слабо верю в людей, которые принадлежат к диаспоре, и при этом ни с кем, ничем и никак не связаны.*

В этой связи целесообразно говорить о том, что распространение сведений, порочащих кого-либо, а также «...клевета, оскорбление, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной вражды — вот неполный перечень правонарушений, совершаемых вербальным способом...» в современном «конфликтном медиатексте» [14, с. 70–71].

Другой эксперт, Сергей Михеев, одним из факторов случившегося называет этнический: *Первый — этнические преступные группировки существовали раньше, существуют сейчас и никуда не собираются исчезать. <...> И когда мы говорим, что бандиты не имеют национальности, — это абсурд, потому что бандиты-то как раз понимают, что они зачастую именно по национальному признаку и объединяются.* Прямое обвинение лиц той или иной национальности в совершении преступления характеризует «средний» язык вражды в рассматриваемом материале.

Ко второму фактору названный эксперт относит миграцию: *...Проблема миграции. <...> Во-первых, это создало особую криминальную сферу в самой экономике... Миграционный трафик приносит огромные деньги, коррумпирует и правоохранителей, и систему миграционной*

службы. Во-вторых, с экономической точки зрения **польза от мигрантов тоже сомнительна.** <...>

На стройках... **мигранты** просто **отнимают рабочие места у граждан РФ.** При этом качество их работы не всегда высокое. <...>

И одновременно с этим **миграционный поток имеет негативные последствия в плане роста межэтнической напряженности.**

Лингвистический анализ даже небольшого по объему отрывка рассматриваемой публикации показывает, что язык вражды могут создавать многочисленные лексические повторы и однокоренные слова (*миграции, мигрантский, мигранты, миграционный* и др.). В представленной иллюстрации с помощью различных идеологем (*бандиты, этнические преступные группировки* и др.) делается акцент на том, что мигранты, как представители другой, отличной от «нашей» культуры, неспособны к интеграции в общество и несут опасность (и даже угрозу) для предста-

вителей коренного населения, разрушают его идентичность. Сказанное позволяет утверждать, что в анализируемом материале представлен «средний язык вражды».

Заключение (Conclusion)

Таким образом, семантико-структурно-функциональный контент-анализ массовых интернет-изданий по делу о Хованском кладбище позволяет констатировать, что в них наличествуют элементы языка вражды, которые функционируют не изолированно, а системно, акцентируют внимание читателей на этнической принадлежности сторон, служат стереотипизации мышления. Такой комплексный анализ лингвистических и экстралингвистических особенностей текстов массовой коммуникации позволяет выявить специфику функционирования языка вражды в современных российских СМИ, а также способствует формированию критического мышления и восприятия текста, практических профессиональных навыков у будущих журналистов.

Библиографический список

1. Шергова О. Б. Лингвистические компоненты медиаобразования: теория речевого воздействия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 2. С. 166–178.
2. Лопаткина С. В. Язык вражды в региональных информационных СМИ // Медиареальность: проблема формирования новых ценностей : сб. ст. / под ред. Р. Н. Ибрагимова. Абакан : Сервисный пункт, 2013. С. 134–138.
3. Коряковцева Е. И. Язык современной российской прессы: варваризмы и арготизмы как сигналы языковой агрессии // Wspólczesna komunikacja językowa. Warszawa : SOW, 2008. С. 95–105.
4. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти / Д. В. Дубровский, О. В. Карпенко, Е. Ю. Кольцова [и др.]. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. 72 с.
5. Кожевникова Г. В. Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. М. : Права человека, 2006. С. 95–105.
6. Дзялошинский И. М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. М. : Московское бюро по правам человека : Академия, 2007. С. 66–88.
7. Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 24 с.
8. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2011. 155 с.
9. Гладиллин А. В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 21 (312), вып. 80. С. 144–153.
10. Курьянова И. В. Маркеры речевой агрессии в интернет-коммуникации при исследовании текстов экстремистской направленности // Вестн. МГЛУ. Гуманитар. науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 29–38.
11. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / сост. А. М. Верховский. М. : Центр «Панорама», 2002. 200 с.
12. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
13. Магомедова М. А. СМИ как основной ресурс информационного обеспечения оптимизации межнациональных отношений // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 345–347.
14. Лопаткина С. В., Похлебаева А. В. К вопросу о выделении критериев анализа морального вреда в современном медиатексте // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2015. № 11. С. 70–74.

References

- Dubrovskii D. V., Karpenko O. V., Kol'tsova E. Yu., Torchinskii F. I., Shpakovskaya L. L. (2003) *Yazyk vrazhdy v russkoyazychnom Internetе: materialy issledovaniya po opoznavaniyu tekstov nenavisti [Hate Speech on the Russian-Language Internet: Research Materials on the Recognition of Hate Texts]**. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge Publ., 72 p. (in Russian)
- Dzyaloshinskii I. M. (2007) *Obrazy vrazhdy v rossiiskikh SMI: sotsial'nye, kul'turnye, professional'nye faktory [Images of Hostility in the Russian Media: Social, Cultural, Professional Factors]**, *Rossiiskie SMI: kak sozdaetsya obraz vraga. Stat'i raznykh let [Russian Media: How the Image of the Enemy is Created. Articles of Different Years]**. Moscow, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka Publ., Academia Publ., pp. 66–88. (in Russian)

Evstaf'eva A. V. (2009) "Yazyk vrazhdy" v sredstvakh massovoi informatsii: lingvisticheskie i ehkstralingvisticheskie faktory funkcionirovaniya [*"Hate Speech" in the Media: Linguistic and Extralinguistic Factors of Functioning*]*, Cand. philol. sci. diss. Abstr. Tambov, 24 p. (in Russian)

Gladilin A. V. (2013) "Yazyk vrazhdy" v traditsionnykh i novykh media [Hate Speech in the Traditional and New Media], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, no. 21 (312), issue 80, pp. 144–153. (in Russian)

Koryakovtseva E. I. (2008) Yazyk sovremennoi rossiiskoi pressy: varvarizmy i argotizmy kak signaly yazykovoi agressii [The Language of the Modern Russian Press: Barbarisms and Argotisms As Signals of Linguistic Aggression]*, *Współczesna komunikacja języczna*. Warsaw, SOW Publ., pp. 95–105. (in Russian)

Kozhevnikova G. V. (2006) Yazyk vrazhdy: tipologiya oshibok zhurnalista [Hate Speech: Typology of Journalist Mistakes]*, *Prikladnaya konfliktologiya dlya zhurnalistov [Applied Conflictology for Journalists]**. Moscow, Prava cheloveka Publ., pp. 95–105. (in Russian)

Kur'yanova I. V. (2018) Markery rechevoi agressii v internet-kommunikatsii pri issledovanii tekstov ehkstremistskoi napravlenosti [Speech Aggression Markers of Internet-Communication in the Study of Extremism Focused Texts], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, issue 6 (797), pp. 29–38. (in Russian)

Kuznetsov S. A. (ed.) (1998) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: A–YA [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language: A–Z]**. Saint Petersburg, Norint Publ., 1534 p. (in Russian)

Lopatkina S. V. (2013) Yazyk vrazhdy v regional'nykh informatsionnykh SMI [Hate Speech in Regional Information Media]*, *Ibragimov R. N. (ed.) Mediareal'nost': problema formirovaniya novykh tsennostei [Media Reality: The Problem of the Formation of New Values]**. Abakan, Servisnyi punkt Publ., pp. 134–138. (in Russian)

Lopatkina S. V., Pokhlebaeva A. V. (2015) K voprosu o vydelenii kriteriev analiza moral'nogo vreda v sovremennom mediatekste [On the Issue of Identifying Criteria for the Analysis of Moral Harm in Modern Media Text]*, *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. F. Katanova [Bulletin of the N. F. Katanov Khakass State University]**, no. 11, pp. 70–74. (in Russian)

Magomedova M. A. (2014) SMI kak osnovnoi resurs informatsionnogo obespecheniya optimizatsii mezhnatsional'nykh otnoshenii [Mass Media As the Main Resource of Information Support in Optimization of International Relations]*, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]**, no. 1, pp. 345–347. (in Russian)

Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. (2011) Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoi agressii [The Language of Modern Media: Means of Speech Aggression]*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 155 p. (in Russian)

Shergova O. B. (2010) Lingvisticheskie komponenty mediaobrazovaniya: teoriya rechevogo vozdeistviya [Linguistic Components of Media Education: Speech Impact Theory], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [Moscow University Bulletin. Episode 10. Journalism]**, no. 2, pp. 166–178. (in Russian)

Verkhovskii A. M. (ed.) (2002) Yazyk moi... Problema etnicheskoi i religioznoi neterpimosti v rossiiskikh SMI [My Language... The Problem of Ethnic and Religious Intolerance in the Russian Media]*. Moscow, Tsentr "Panorama" Publ., 200 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.